

УДК 329-1

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ИСТОКИ РОСТА ПОПУЛИЗМА В ЕВРОПЕ

© 2022 ПЕТРОВ Иван Игоревич*

*Аспирант, Национальный исследовательский Университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
101000, Россия, Москва, Мясницкая ул. 20
E-mail: iip95@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.03.2022

После доработки 24.08.2022

Принята к публикации 09.09.2022

Аннотация. В статье рассмотрены долгосрочные причины, стоявшие за ростом популизма в Европе в 2010-е гг. В статье проверены три гипотезы, касающиеся структурной трансформации политического спектра, электоральной конкуренцией между партиями либо иного объяснения данного феномена. Методами проверки гипотез стали пространственное измерение сдвигов партийных позиций на основе баз данных *CHES* и *MARPOR* вместе с анализом электоральной динамики и регрессией голосов за разные группы партий. Согласно полученным выводам, рост популярности популистов происходит из переориентации партийных систем стран Европы на отражение новой, неэкономической линии размежеваний в ущерб традиционному разделению партий на левых и правых. Между тем данный процесс разворачивается не мгновенно и нелинейно. На настоящем этапе причиной роста голосов за популистские партии является слабая привлекательность партий мейнстрима, совпавшая с переориентацией популистов на отражение менее узкого запроса избирателей. Будущее европейских популистов, таким образом, во многом зависит от того, насколько был верен их выбор групп-адресатов, и смогут ли они удержать данных избирателей в более долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: популизм, партии, европейская политика, теория размежеваний, пространственная конкуренция, партийные семейства.

DOI: 10.31857/S0201708322060158

EDN: kuvmbm

Минувшее десятилетие стало временем подъема популистских партий в странах Европы. Хотя обстоятельства начала 2020-х гг. – провал популистских правительств в борьбе с пандемией, формирование запроса на новую политику модернизационного толка – говорят, что эта волна пошла на спад, актуален вопрос о глубинных

причинах взлета правых и левых популистов в Европе в 2010-е гг. Можно ли на основании их изучения сделать вывод о повторении подобных процессов в этой или иной части политического спектра в будущем?

В исследовании мы сосредоточимся на изучении электоральных, пространственных сдвигов, сопровождавших подъем популистских партий в странах ЕС. Ключевым понятием, с помощью которого мы будем исследовать данные сдвиги, является политический спектр, образуемый линиями межпартийных размежеваний. Теория размежеваний Липсета-Роккана, разработанная в 1960-е гг., предполагает наличие двух значимых размежеваний в странах Европы: социально-экономического вокруг противостояния труда и капитала и этно-религиозного, играющего вспомогательную роль. Как заявляли С.М. Липсет и С. Роккан, в послевоенной Европе система размежеваний является устойчивой, а роли в их репрезентации – четко распределены между несколькими крупными партиями [Lipset, Rokkan, 1967]. С начала 1980-х гг. все больше исследователей заявляет о «разморозке» партийных систем стран Европы [Hooghe, Marks, 2018], упадке классового голосования [Hutter, Kriesi, 2019] и уходе старого этно-религиозного размежевания на задний план [Inglehart, Norris, 2016]. Новое размежевание, формирующееся на этом фоне, включает в себя как ценностный, так и социально-экономический аспект, отражая раскол европейского общества и вокруг процесса глобализации, и вокруг сопровождающих его трендов социального развития.

Следуя логике теории размежеваний, мы постараемся очертить контуры сдвигов в конфигурации партийных семейств на протяжении периода с 1990-х по 2010-е гг. Выборкой нашего исследования служат 25 стран Евросоюза. Для выборки нами были проведены пространственный анализ партийных позиций и регрессионный анализ электоральных результатов, полученных правопопулистами и левопопулистами, а также разными семействами партий мейнстрима. Исходя из полученных результатов, мы можем заключить, что рост голосов за новые партии, включая зелено-либеральные и популистские, как и утверждает теория размежеваний, является следствием разбалансировки старой системы электоральной лояльности. Между тем это не означает, что новые партии в их существующем виде представляют собой окончательную форму репрезентации нового размежевания. Наоборот, проблема популизма – следствие крайней спутанности партийных позиций на современном этапе, когда борьба за медианного избирателя обострилась, а число немедианных избирателей возросло.

Методология и гипотезы

Методологический раздел нашей статьи следует начать с определения понятия популизма. Согласно К. Мудде, для популизма характерна риторика, построенная на противопоставлении «истинного народа» и «коррупцированных элит» [Mudde, 2013]. Согласно П.В. Осколкову и А.И. Тэвдой-Бурмули, он характеризуется ориентацией по социокультурному аспекту формирующегося нового размежевания [Осколков, Тэвдой-Бурмули, 2018]. Хотя данное семейство легче всего охарактеризовать через национализм, это не национализм старого формата, а то, что определя-

ется рядом исследователей как культурный протекционизм и нативизм, болезненная реакция на видимое ослабление этнокультурной гегемонии, существовавшей скорее в воображаемом, чем в реальном прошлом. Левый популизм, в свою очередь, исторически фокусируется на требованиях уравнивания и перераспределения. В современных условиях к нему относятся партии, не разделяющие центристского консенсуса послевоенного времени, но и не относящиеся к старым коммунистам, которые не обладают значимыми электоральными перспективами в странах Запада [Макаренко, 2018].

Становление популистских партий имело разные траектории в разных группах стран. В частности, если в большинстве государств наблюдался подъем либо правого, либо левого популизма, в Германии, Испании и Франции представлены обе разновидности, хотя с учетом фактора времени следует учесть, что появление крупных левопопулистских и правопопулистских партий в данных странах было не одновременным. Аналогично в региональном масштабе четко выделяются страны, где правопопулистские партии присутствовали в парламенте еще в 2000-ые гг. В этом случае основной рост голосов за популистов происходил, как правило, до миграционного кризиса середины 2010-х гг. При этом в половине стран выборки вхождение правопопулистов в парламент происходило именно на волне миграционного кризиса. Более того, общий тренд подъема правопопулистов имеет свои контрпримеры. Так, в Дании и Австрии, где популистские партии прочно вошли в политику еще в 2000-е гг., в конце 2010-х гг. случился их электоральный провал. Наконец, в ряде стран Центральной Европы 2010-е гг. были отмечены собственным феноменом сдвига части мейнстримных партий к правопопулистской риторике. Что касается левого популизма, проблема изучения его динамики состоит в необходимости отделения левопопулистов от радикальных левых старой волны. Отталкиваясь от того, что именно обращение к популизму дало толчок росту голосов за ранее малопопулярные крайне левые партии, мы будем приводить статистику по группе радикальных левых в целом, считая рост их популярности в 2010-е следствием левопопулистского поворота. Электоральные результаты мейнстримных партий, часто характеризующихся как близкие к популистам, не будут включены в статистику в целях отражения ею реальной электоральной динамики относительно менее крупных партий.

В чем состоит особенность популизма в электоральном плане? Согласно работам ученых 2000-х гг., таких как К. Арцхаймер и Дж. Адамс, европейские популистские партии попадают в категорию нишевых – ориентирующихся на ограниченный круг избирателей с четкой и часто радикальной позицией, неприемлемой для медианного большинства – адресата политики партий мейнстрима [Adams et al. 2006; Arzheimer, 2009]. В современных условиях подобное определение может быть поставлено под вопрос. На наш взгляд, электоральное поведение популистов в 2010-ые гг. более корректно, вслед за К. Грин-Педерсеном, определять через сочетание внимания к острым, действительно волнующим избирателя темам, с отсутствием способности убедить его в своей компетентности относительно общих проблем государства, своей приверженности нормам демократической политики [Green-Pedersen, 2019]. Компенсируя последнее, популисты обращаются к тактике отделения колеб-

лющегося электората от разных электоральных групп через адресацию им нечеткой, но явно альтернативной мейнстриму повестки, не избегая маргинальных, раскалывающих общество тем. В отечественной литературе с данным подходом согласуется анализ популизма В.Я. Швейцера, подчеркивающий, что дискурс популизма, имея широкого адресата, выстраивается вопреки традиционной право-левой оппозиции [Швейцер, 2018]. Аналогично в работе П.В. Осколкова подчеркнута связь между голосованием за популистов и неудачными коалиционными соглашениями мейнстримных партий [Осколков, 2018].

Таблица 1

Электоральные результаты крупнейших популистских партий

Страна	Партия	2009	2019
Швеция	(п) Шведские демократы		18%
Дания	(п) Датская народная партия	14%	9% (21%)
	(л) Социалистическая народная партия	13%	8%
Финляндия	(п) Истинные финны	4%	18%
Бельгия	(п) Фламандский интерес	12%	12%
Нидерланды	(п) Партия свободы	6%	13%
Франция	(п) Национальный фронт	4%	13%
	(л) Непокоренная Франция		11%
Италия	(п) Лига Севера	8%	18%
	(?) Движение пяти звезд		32%
Испания	(л) Подемос		11% (13%)
	(п) Вокс		15%
Греция	(л) Сириза	5%	32%
Германия	(п) Альтернатива для Германии		13%
	(л) Левые	9%	9%
Австрия	(п) Австрийская партия свободы	18%	16% (26%)
Болгария	(л) Атака / Объединенные патриоты	8%	9%
Чехия	(п) Свобода и прямая демократия		11%
Эстония	(п) Консервативная народная партия		18%

Источник: составлено автором на основе данных *Project Manifesto*.

Поскольку «бум популизма», таким образом, является тесно включенным в электоральный контекст 2010-х гг., гипотезы о его фундаментальных причинах будут касаться характера изменения электорального пространства. В статье мы проанализировали электоральный контекст возвышения популистских партий: представляет ли он собой процесс формирования нового размежевания, в котором популизм – один из его полюсов, либо взлет популизма объясняется не структурными (размежевания), а конъюнктурными (позиционирование партий) факторами? Альтернативная гипотеза предполагает, что возвышение популистов является результатом недовольства политикой мейнстримных партий и не может быть объяснено с позиции теории размежеваний.

В целях проверки предположений о сущности электоральных сдвигов был осуществлен анализ электоральной динамики, а также регрессионный анализ электоральных результатов партий для 25 стран ЕС в период с начала 1990-х до конца 2010-х гг. Кроме того, выводы были проверены на основании пространственного анализа позиционирования партий, опиравшегося на базы данных *Chapel Hill Expert Survey (CHES)* [Bakker et al. 2015] и *Project Manifesto (MARPOR)* [Volkens et al., 2013]. Первая база данных содержит в себе информацию о позиционировании партий согласно опросу экспертов, вторая базируется на результатах контент-анализа партийных программ. В *CHES* эквивалентом нового размежевания выступает индекс *GALTAN* (зелено-либертарные vs нативистско-авторитарные установки), оценки по которому (по шкале от 1 до 10) страдают субъективизмом, не позволяющим замерить динамику сдвигов во времени. *MARPOR*, демонстрирующий более объективную оценку, лишен стандартного индекса для измерения нового размежевания. Ближайшим аналогом последнего может служить созданный нами индекс, суммирующий показатели отношения к национальному образу жизни и мультикультурализму. Данный индекс хорошо улавливает лишь один из параметров нового размежевания – нативизм.

Таблица 2

Формулы индексов для осей старого и нового размежеваний в MARPOR и CHES

	MARPOR	CHES
Старое размежевание	per401 + per402 + per407 + per414 + per505 - per403 - per404 - per406 - per412 - per413 - per504 - per701	IRECON
Новое размежевание	per601 + per302 + per608 - per301 - per602 - per607	GALTAN

Источник: составлено автором на основе инструкций MARPOR и CHES.

Измерение партийных сдвигов, таким образом, потребует от нас не столько опираться на один совершенный источник данных, сколько сочетать разные способы их интерпретации. Для этого мы осуществим последовательность следующих действий:

- Измерим трансформацию партийного поля по двум осям размежеваний с помощью индексов *CHES* и *MARPOR*, сделав на основании этого вывод о характере и степени трансформации, ее соответствии ожиданиям гипотез работы. Анализ партийных сдвигов будет осуществляться с выделением партийных семейств – стандартного набора для каждой из баз данных.
- Проследим электоральную динамику на примере пяти субрегионов Европы – Севера, Запада, Юга, Востока и Балкан, – наметив основные маршруты перетекания голосов между серединой 2000-х и концом 2010-х гг. В качестве категорий нами будут выделены правый и левый мейнстрим, а также правые и левые популисты.

- С помощью регрессионного анализа проверим имеющиеся данные электоральных сдвигов на возможную причинно-следственную связь упадка голосов за мейнстримные партии с ростом голосов за популистов.
- Нулевая гипотеза предполагает, что спад голосов за мейнстримные партии был равномерен и объясняется голосованием за популистов. Обратная гипотеза утверждает, что колебания в голосах неравномерны, а значит голосование за популистов – скорее симптом общего процесса разбалансировки партийных систем, чем полноценный источник новой электоральной динамики.

Результаты: трансформация партийного поля

Анализ трансформации партийного поля стран ЕС в контексте ориентации партий и их семейств по двум осям – старому социально-экономическому и новому глобально-ценностному размежеваниям – привел нас к данным, отображенным на Рис. 1 и 2¹. Как можно увидеть из представленных диаграмм, за 20 лет, разделяющих конец 1990-х от конца 2010-х гг., партийное поле заметно вытянулось вдоль новой глобально-ценностной оси. Это подтверждает первую гипотезу исследования о связи между ростом поддержки популистов и тенденцией к смещению внимания избирателей с устойчивых социально-экономических ориентиров на более подвижные социокультурные.

Между тем особую актуальность приобретает иная сторона процессов, разворачивавшихся в странах выборки. Речь идет о размывании границ между партийными семействами в центре спектра, отображающим ужесточение конкуренции партий за медианного избирателя. Особый интерес при этом может вызвать то, что партии мейнстрима, особенно на правом фланге, имеют свойство дробиться на кластеры внутри семейных границ. Последнее только отчасти может быть объяснено возрастанием конкуренции со стороны популистов. Сами мейнстримные партии в условиях трансформации спектра находятся в поиске оптимального места на глобально-ценностной оси размежеваний. Как можно увидеть на диаграммах, пытаясь определить, к чему более склонен традиционный, поддерживающий их социально-экономическую программу электорат, партии мейнстрима могут решиться на три варианта действий:

- занять умеренно-либертарную позицию, охватывающую центр социокультурной оси;
- принять более культурно-консервативную программу, дающую защиту от правых популистов;
- попробовать сдвинуться в центр социально-экономической оси, чтобы отхватить часть избирателей у своих мейнстримных конкурентов и тем самым компенсировать отток части голосов к популистам.

¹ Дополнительные материалы к статье (Рисунки 1 и 2, Таблица 3) размещены в электронном виде на сайте журнала (www.sov-europe.ru) на странице номера.

Таким образом, подтверждение находит также вторая гипотеза, говорящая о конъюнктурном характере роста голосов за популистов, происходящего на фоне более глубоких структурных сдвигов. Именно сочетание структурных и конъюнктурных факторов позволяет современным популистам, сохраняя радикализм, характерный для нишевых партий, одновременно получать доступ к более широкой электоральной базе.

Результаты: электоральная динамика в пяти регионах

Колебания электоральной динамики были изучены как на страновом, так и на субрегиональном уровне. В результате мы можем отметить две общие закономерности, наблюдавшиеся для всех регионов ЕС в период с середины 2000-х до конца 2010-х гг.:

- неравномерное сокращение числа голосов за партии мейнстрима, в наибольшей мере – за партии социал-демократической ориентации;
- рост числа голосов как за правых, так и за левых популистов в разных странах по разным сценариям.

Между тем для понимания общей картины следует, прежде всего, выделить ряд субрегиональных особенностей межпартийной конкуренции:

- В странах Скандинавской модели в 2010-е наблюдался наиболее существенный рост поддержки популизма, но одновременно данный тренд был мягок и равномерно отнимал голоса у партий-конкурентов.
- Наоборот, для старых демократий Северо-Западной Европы данный период характеризовался серьезным спадом голосов за социал-демократов при сохранении положения мейнстримных правых.
- Для стран Южной Европы примечательна высокая поддержка левых популистов вплоть до замещения ими аналогичных партий мейнстрима.
- В посткоммунистических странах более волатильная среда делает формулу успеха партий популистов не столь очевидной в сравнении с партиями, научившимися сочетать мейнстримную и популистскую повестки.

Как можно заключить из данного перечня, общественная структура и конфигурация партийной системы являются двумя факторами, определяющими характер воздействия популизма на политическую жизнь страны. В частности, противоположностями здесь выступают постиндустриальные страны Скандинавии, где примат социально-экономической политики ушел в прошлое, и индустриальные страны Юга, где именно неудачи правительств в экономической сфере толкают избирателей к голосованию за популистов, преимущественно левых. Другую пару противоположностей представляют собой страны Западной и Центральной Европы. Если в первых подъем нишевых популистских партий случился на фоне кризиса устоявшейся модели социального государства, в прошлом обеспечивавшей устойчивость политических предпочтений избирателей, то во вторых молодость и нестабильность партийных систем, нечеткость социально-экономических позиций избирателей делают популизм привлекательным компонентом партийного строительства в целом. Ярким примером последнего может стать ряд мейнстримных партий, актив-

но заимствующих повестку и стиль популистов, таких как «Право и справедливость» в Польше и Фидес в Венгрии.

Вопреки субрегиональным различиям, представляется возможным выделить ряд общих паттернов взаимодействия между популистами и партиями мейнстрима в Европе:

- В стабильных политических системах, имеющих нишу с запросом на популизм, популисты могут успешно встроиться в правящий мейнстрим, как в Дании, Финляндии или Австрии.
- Наоборот, в нестабильных политических системах возможно вытеснение популистами слабой мейнстримной партии с последующим заимствованием схожих с нею позиций, как это произошло в Греции или Франции.
- В случае появления популистов в рамках системы, сфокусированной на соперничестве двух партий, они могут серьезно дестабилизировать ее, как это произошло в Швеции, Испании и косвенно в Британии.
- Наоборот, в более сложных системах роль популистов, даже при получении большого числа голосов, как правило, ограничена, как это происходит в Германии, Чехии или Нидерландах.

Проделанный анализ подчеркивает неоднородность партийной конкуренции в странах Европы. Между тем перемещение с общеевропейского уровня на субрегиональный, а с субрегионального на страновой позволяет увидеть наличие как структурного, так и конъюнктурного единства за протекающими процессами.

Результаты: регрессионный анализ и его интерпретация

В целях обобщения данных об электоральных сдвигах для всей выборки стран нами был осуществлен регрессионный анализ данных о процентах голосов, полученных партиями на национальных выборах 25 стран ЕС с конца 2000-х до конца 2010-х гг. В анализе рассматривались четыре переменные: суммы голосов за правый и левый мейнстрим, за правых и левых популистов. В качестве инструмента анализа выступила множественная линейная регрессия.

Как демонстрируют результаты анализа, сокращение голосов у двух групп мейнстрима в пользу популистов было неравномерным: согласно ранее высказанному предположению, левый мейнстрим страдает от популизма сильнее, чем правый. Последнее, согласно ранее сформулированной гипотезе, означает, что голосование за популистов отражает скорее отток избирателей от партий мейнстрима, чем их сознательное смещение к новому полюсу партийной политики. Наиболее правдоподобное объяснение имеющимся результатам состоит в том, что если число комбинаций в партийной борьбе строго ограничено конфигурацией размежеваний, то наибольший урон будут терпеть партии, вынужденные выбирать из большего числа желательных комбинаций. Для социал-демократов такие комбинации будут задавать совмещение в их платформе всеохватной и прогрессивно-распределительной повесток: при смещении чрезмерно к центру они будут вынуждены терять часть избирателей

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа

Левый мейнстрим	Левый популизм	Cor.= - 0,418** (p) / -0,365*(s) Adj.R ² = 17,5 % Sign.= 0,006
	Правый популизм	Cor.= - 0,421** (p) / -0,365*(s) Adj.R ² = 17,8 %
Правый мейнстрим	Правый популизм	Cor.= - 0,487** (p) / -0,507***(s) Adj.R ² = 21,8 % Sign.= 0,001

Источник: составлено автором на основе собственного исследования.

в пользу левых популистов, при отстаивании чрезмерно прогрессивных позиций – терять часть консервативных «синих воротничков» в пользу правых популистов. Наоборот, при отказе отстаивать умеренно-прогрессивную позицию наиболее вероятно потеря медианного избирателя в пользу либо умеренно-правых партий мейнстрима, либо новых прогрессистских партий – зеленых и либералов. Таким образом, именно для социал-демократов должен в большей мере срабатывать «эффект сэндвича». Правый мейнстрим, как обратный пример, показывает даже большую уязвимость перед популизмом, но только перед одним его видом, что говорит о том, что разделение в этом случае проходит по глобально-ценностной оси размежеваний, не затрагивая социально-экономическую ось.

Выводы

В начале нашего исследования мы сформулировали три гипотезы, призванные объяснить рост голосов за популистов в Европе 2010-х годов:

- Согласно первой гипотезе, возвышение популистов имеет связь с формированием нового размежевания, в котором популистские партии – один из его полюсов.
- Согласно второй гипотезе, возвышение популистских партий может быть объяснено скорее не структурными (размежевания), а конъюнктурными (позиционирование партий) факторами межпартийной конкуренции.
- Согласно альтернативной гипотезе, возвышение популистов, являясь плодом недовольства политикой мейнстримных партий и рядом иных факторов, не может быть объяснено с позиции теории размежеваний.

Проверка альтернативной гипотезы оказалась вынесена за пределы проделанного нами анализа: в целом существует достаточно аргументов в пользу более широкого контекста «популистского бума», чем две рассмотренные нами гипотезы.

Полученные результаты говорят о том, что именно структурная трансформация политического спектра играет основополагающую роль в том, что процесс общеевропейского возвышения популизма в 2010-е гг. стал возможен. Интерпретируя данный процесс, мы не спешим увязывать популизм с четким партийным ядром, ориентированным по новому глобально-ценностному размежеванию. Наоборот, как демонстрирует страновой анализ, на современном этапе развития конъюнктурные факторы могут играть решающую роль в направлении конкретных электоральных сдвигов. Возрастанию влияния популизма сопутствует менее резонансное, но более фундаментальное для партийных систем явление – ужесточение конкуренции за медианного избирателя, сопровождаемое конвергенцией позиций партийных семейств в центре спектра при расхождении позиций внутри партийных семейств на его периферии. В этих условиях имеет место трансформация электорального содержания популизма. Если ранее, как описывалось в модели Арцхаймера и Адамса, популизм играл роль нишевого явления, охватывавшего консолидированный, но узкий электорат, то нынешняя волна «популистского бума» во многом обязана стратегии захвата разнородного электората, выпавшего из зоны лояльности мейнстримных партий на фоне трансформационного процесса.

Объясняя таким образом фундаментальные причины подъема популизма в Евросоюзе в 2010-е гг., мы можем предположить, что в будущем три рода факторов будут определять судьбу европейского популизма: наличие событий-триггеров, подобных миграционному кризису, способность партий мейнстрима осуществить перезапуск своих электоральных коалиций в новой системе размежеваний, способность партий-популистов выбрать верного адресата своей повестки в целях достижения большей гибкости и улучшения своей репутации у медианного избирателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Макаренко Б.И. (2018) Популизм и политические институты: сравнительная перспектива. *Популизм как общий вызов*. Под ред. Б.И. Макаренко, Н.В. Петрова. Политическая энциклопедия, Москва, Россия. С. 27–36.

Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. (2018) Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала, *Вестник Пермского университета. Политология*. № 3. С. 19–33.

Осколков П. В. (2018) Вызов популизма в современной Европе: угроза или инструмент демократии? *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 2. С. 60–64.

Швейцер В. Я. (2018) Партия и движения политической альтернативы современной Европы. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 3. С. 43–47.

Adams J., Clark M., Ezrow L., Glasgow G. (2006) Are niche parties fundamentally different from mainstream parties? The causes and the electoral consequences of Western European parties' policy shifts, 1976–1998. *American Journal of Political Science*. Vol. 50. No. 3. Pp. 513–529.

Arzheimer, K. (2009) Contextual factors and the extreme right vote in Western Europe, 1980–2002. *American Journal of Political Science*. Vol. 53. No. 2. Pp. 259–275.

Bakker R., Vries C. de, Edwards E., Hooghe L., Jolly S., Marks G., Polk J., Rovny J., Steenbergen M., Vachudova M.A. (2015) Measuring party positions in Europe: The Chapel Hill expert survey trend file, 1999–2010. *Party Politics*. Vol. 21. No. 1. Pp. 143–152.

Green-Pedersen C. (2019) *The Reshaping of West European Party Politics: Agenda-Setting and Party Competition in Comparative Perspective*. Oxford, Oxford University Press, UK. 240 p.

Hooghe L., Marks G. (2018) Cleavage theory meets Europe's crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage. *Journal of European Public Policy*. Vol. 25. No. 1. Pp. 109–135.

Hutter S., Kriesi H. (eds.) (2019) *European party politics in times of crisis*. Cambridge University Press, N.Y., USA. 429 p.

Inglehart R.F., Norris, P. (2016) *Trump, Brexit, and the rise of populism: Economic have-nots and cultural backlash*. HKS Working Paper No. RWP16-026. 53 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2818659>

Lipset S.M., Rokkan S. (1967) Cleavage structures, party systems, and voter alignments: an introduction. *Party systems and voter alignments: cross-national perspectives*. Ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. Free Press, N.Y., USA. Pp. 1–64.

Mudde, C. (2013) Three decades of populist radical right parties in Western Europe: So what? *European Journal of Political Research*. Vol. 52. No. 1. Pp. 1–19.

Volkens A., Bara J., Budge I., McDonald M.D., Klingemann H.-D. (eds.) (2013) *Mapping policy preferences from texts: statistical solutions for manifesto analysts*. Oxford University Press, Oxford, UK. 392 p.

Electoral Origins of the Rise of Populism in Europe

I.I. Petrov*

Graduate Student, Higher School of Economics
20, Myasnitskaya st. Moscow, Russia, 101000

*E-mail: iip95@yandex.ru

Abstract. This article examines the long-term causes behind the populist boom in Europe in the 2010s. The article tests three hypotheses concerning the structural transformation of the political spectrum, electoral competition between parties, or another explanation for this phenomenon. The methods for testing hypotheses were the spatial measurement of shifts in party positions based on the CHES and MARPOR databases, together with the analysis of electoral dynamics and regression of votes for different groups of parties. According to the findings, the growing popularity of populists has its roots in the reorientation of party systems in Europe to reflect a new, non-economic cleavage instead of the traditional left-right division of parties. Meanwhile, this process does not unfold instantly and linearly. In our opinion, at the present stage the growth of votes for populist parties is due to the weakened attractiveness of mainstream parties, which coincided with the reorientation of the populists themselves to reflect a less narrow demand of voters. The future of European populists thus largely depends on whether their choice of target groups was correct and whether they can retain these voters in the longer term.

Key words: populism, parties, European politics, cleavage theory, spatial competition, party families.

DOI: 10.31857/S0201708322060158

EDN: kuvmbm

REFERENCES

- Adams J., Clark M., Ezrow L., Glasgow G. (2006) Are niche parties fundamentally different from mainstream parties? The causes and the electoral consequences of Western European parties' policy shifts, 1976–1998, *American Journal of Political Science*, vol. 50, no. 3, pp. 513–529.
- Arzheimer, K. (2009) Contextual factors and the extreme right vote in Western Europe, 1980–2002, *American Journal of Political Science*, vol. 53, no. 2, pp. 259–275.
- Bakker R., Vries C. de, Edwards E., Hooghe L., Jolly S., Marks G., Polk J., Rovny J., Steenbergen M., Vachudova M.A. (2015) Measuring party positions in Europe: The Chapel Hill expert survey trend file, 1999–2010, *Party Politics*, vol. 21, no. 1, pp. 143–152.
- Green-Pedersen C. (2019) *The Reshaping of West European Party Politics: Agenda-Setting and Party Competition in Comparative Perspective*, Oxford, Oxford University Press, UK.
- Hooghe L., Marks G. (2018) Cleavage theory meets Europe's crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage. *Journal of European Public Policy*, vol. 25, no. 1, pp. 109–135.
- Hutter S., Kriesi H. (eds.) (2019) *European party politics in times of crisis*, Cambridge University Press, N.Y., USA.
- Inglehart R.F., Norris, P. (2016) *Trump, Brexit, and the rise of populism: Economic have-nots and cultural backlash*, HKS Working Paper No. RWP16-026. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2818659>
- Lipset S.M., Rokkan S. (1967) Cleavage structures, party systems, and voter alignments: an introduction, in Lipset S.M., Rokkan S. (eds.) *Party systems and voter alignments: cross-national perspectives*, Free Press, N.Y., USA.
- Makarenko B.I. (2018) Populism and political institutions: comparative perspective, in Makarenko B. I, Petrov N.V. (eds.) *Populizm kak obshchij vyzov [Populism as common challenge]*, Politicheskaya enciklopediya, Moscow, Russia, pp. 27–36 (in Russian).
- Mudde, C. (2013) Three decades of populist radical right parties in Western Europe: So what?, *European Journal of Political Research*, vol. 52, no. 1, pp. 1–19.
- Oskolkov P.V., Tevdoj-Burmuli A.I. (2018) Evropejskij pravij populizm i nacionalizm: k voprosu o sootnoshenii funkcionala, [European right-wing populism and nationalism: revisiting the correlation of features], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, vol. 3, pp. 19–33 (in Russian).
- Oskolkov P.V. (2018) Vyzov populizma v sovremennoj Evrope: ugroza ili instrument demokracji? [The challenge of populism in modern Europe: a threat or a tool of democracy?], *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, vol. 2, pp. 60–64 (in Russian).
- Shvejcer V.YA. (2018) Partiya i dvizheniya politicheskoy al'ternativy sovremennoj Evropy [The Party and movements of the political alternative of modern Europe], *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, vol. 3, pp. 43–47 (in Russian).
- Volkens A., Bara J., Budge I., McDonald M.D., Klingemann H.-D. (eds.) (2013) *Mapping policy preferences from texts: statistical solutions for manifesto analysts*, Oxford University Press, Oxford, UK.